

ЖЕНЩИНА В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**Соглаева Екатерина Витальевна,
Ткаченко София Андреевна,
Полякова Татьяна Дмитриевна,**
*студентки второго курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ-ШРМИ
ДФУ*

Данная статья рассматривает некоторые вопросы социологического характера на основе источников фонда редких изданий НБ ДВФУ, раскрывающих положение женщины в традиционном китайском обществе. Актуальность темы обусловлена высоким интересом к культуре китайского народа и гендерным проблемам Китая в прошлом. Работа состоит из нескольких разделов, каждый из которых характеризует положение женщин с различных точек зрения в разных сферах жизни общества (мифология, философия, семейно-правовая и матримониальная системы, литература, социальный статус). В работе уделяется внимание также некоторым традиционным требованиям к внешнему виду китайской женщины и особенностям её туалета.

За основу работы были взяты книги Л.С. Васильева «Культы, религии, традиции в Китае» и В.В. Малявина «Китайская цивилизация». Другие источники, которые находятся во владельческих книжных коллекциях доктора исторических наук,

востоковеда В.В. Совастеева, доктора экономических наук востоковеда К.М. Попова в фонде редких изданий Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета, дополняют тему уникальной информацией.

«Женщина сильнее мужчины», – гласит поговорка китайских крестьян, в которой без всякой иронии отразился взгляд на женщину, прежде всего, как на работницу [3, с. 543]. Но и в такой важной хозяйственной роли женщина не приобретала высокого статуса. Для родного дома девочка была «отрезанный ломоть», поэтому «девочек нередко даже не посвящали в секреты семейного ремесла, чтобы, выйдя замуж, они не могли передать их чужим людям» [3, с. 543]. Конфуцианская мораль закрепила за женщинами такие пороки, как злословие, коварство, тщеславие, легкомыслие и заурядную глупость. Конфуцию принадлежит резкое замечание о женщинах: «В доме труднее всего иметь дело с женщинами и слугами. Если их приблизить, они становятся

дерзкими, а если отдалить – озлобляются» [3, с. 543]. С другой стороны, видя в женщине хранительницу семейного очага, мать и хозяйку дома, конфуцианцы требовали от женщин, особенно в аристократических семьях, овладеть навыками хозяйственной работы и определённым образовательным уровнем. Девочек обучали не только женским рукоделиям и видам искусства (пению, игре на музыкальных инструментах, танцам), но и письменности, каллиграфии, азам стихосложения. «Кроме того, китайская

история насчитывает немало имен женщин-философов, поэтов и государственных деятелей» [2, с. 306].

Женщина в семье. Традиционная модель семейно-брачных отношений в Китае влекла за собой неравенство мужчин и

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

женщин, что являлось результатом выработанных конфуцианством традиций культа предков, сяо [1, с. 134].

Известный китаевед Л.С. Васильев отмечает, что в обществе женщина никогда не воспринималась как самостоятельная единица и не могла проявить своей индивидуальности. В семье она занимала неравноправное, принижённое положение. «Нежеланный ребёнок в семье своего отца, всегда жаждавшего сыновей, девочка уже с раннего возраста ощущала свою неполноценность» [1, с. 134]. Л.С. Васильев приводит пример: в песнях «Шицзин» упоминалось, как «новорожденного мальчика клали на нарядную циновку и давали ему в руки богатые игрушки, всячески его ублажая, тогда как родившаяся девочка лежала в углу дома на куче тряпья и забавлялась обломками глиняных сосудов» [1, с. 142]. С юных лет девушку готовили к замужеству и учили правилам приличия и повиновения старшим и мужу. Девушки не могли свободно знакомиться и общаться с людьми, особенно с молодыми, своего возраста. Как правило, всю свою юность они проводили в женском окружении. Конфуций, по преданию, запретил мужчинам и женщинам ходить по одной стороне улицы и даже сидеть за одним столом [3, с. 543].

Как только девушка достигала брачного возраста, её родители желали как можно скорее выдать её замуж. При этом кто именно будет будущим мужем, не имело большого значения, «ведь, в конце концов, совершенно неважно, кто будет твоим мужем. Важно лишь, что ты вышла замуж в хороший дом и честно исполняла с юности внушаемые тебе обязанности хорошей жены и послушной невестки и снохи» [1, с. 135]. После замужества девушка навсегда покидала свой родной дом и попадала в полную зависимость от семьи своего мужа, особенно от свекрови. При этом она никак не могла защитить себя: муж по правилам приличия должен был стоять на стороне своей матери и приказывать жене повиноваться. За плохое поведение её могли

наказывать, а если она после наказаний повторяла свой проступок, то её изгоняли из дома, её несчастная доля становилась ещё более жалкой и незавидной.

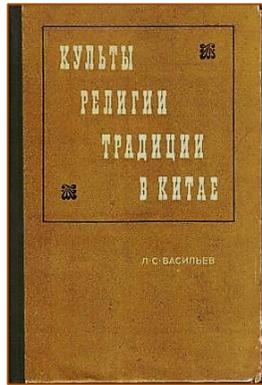
«Правила культа предков и семьи заранее ставили мужа и жену в неравноправное положение. Жена служит средством процветания семьи, продолжения рода, но носителем линии рода в любом случае остаётся мужчина» [1, с. 136]. Поэтому мужчина не обязан соблюдать правила единобрачия, а женщина обязана. Женщина не могла показывать даже свою ревность, за это её тоже могли выгнать из дома.

Молодая жена занимала в доме мужа подчинённое положение, больше напоминавшее положение служанки, чем жены. Только после рождения сына её статус в доме улучшался. «Она приобретала большую уверенность, чувствовала своё существование оправданным, свои функции выполненными» [1, с. 136]. Если же рождалась девочка, то усиливались притеснения со стороны свекрови, прибавлялось раздражение, подчас даже побои от разочарованного мужа.

Если на протяжении нескольких лет жена не рожала сына, то муж обязан был взять себе вторую жену. Это было необходимо для продолжения рода. Второй брак обычно проводился с такими же церемониями, что и первый. Однако положение второй жены было значительно хуже. Она ущемлялась в правах не только со стороны родителей мужа, но ещё и со стороны первой жены.

Женщина в правовой системе. Согласно узаконенной в традиционном Китае системе женского воспитания, начиная с 5–6 лет, девочка должна была одеваться в женское платье, носить взрослую причёску и жить отдельно от братьев. В возрасте 7–8 лет ей поручалось выполнять небольшую домашнюю работу, а с 10 лет запрещалось выходить из дома одной и принимать участие в совместных с братьями играх и семейных развлечениях. С 12–13 лет в семье начиналось обучение девочки женским ремёслам и искусствам [2, с.307].

Самое бесправное положение, как отмечал Л.С. Васильев, было у наложниц. Их брали только в богатые семьи, где они

одновременно являлись и служанками. Бедняки вынуждены были отдавать или продавать своих дочерей, чтобы облегчить материальное бремя семьи. «Попад в богатый дом, эти бедные женщины вообще были лишены какого-либо правового статуса и фактически становились полурабынями» [1, с. 137]. Известны были случаи, когда наложница рожала сына и могла бы повысить свой статус, но «старшая, первая жена, просто отбирала у наложницы её сына и объявляла его своим, оформляя этот акт в официальном порядке» [1, с. 137].

Обособленно в правовой системе стоят обитательницы императорского гарема. Сыну Неба полагалось иметь одну императрицу, трех старших жён, девять жён второго ранга и 81 наложницу [2, с. 295]. В случае прихода сына наложницы к верховной власти он имел право возвести свою мать в статус «вдовствующей императрицы» со всеми вытекающими из этого сана полномочиями и привилегиями. Нередко мать-наложница становилась регентшей при малолетнем сыне-императоре [2, с. 296].

По китайскому традиционному законодательству женщина не имела прав на общесемейную собственность (т. к. за невестой никогда не давали земельные владения) и становилась наследницей имущества собственного отца или мужа только в том случае, если в роду больше не оставалось представителей мужского пола [2, с. 308].

Отмечается, что, несмотря на все вышесказанное, женщина далеко не всегда являлась бесправным существом. С древности до начала XX столетия положение женщины, с одной стороны, определялось традиционной системой семейно-брачных отношений, с другой стороны, – морально-этическими нормами и законодательством. И всё же существовал период, когда женщины были наделены достаточно широкими имущественными правами. К такому периоду относят правления династий Тан и Сун. В те времена женщины на каждом этапе своей жизни обладали определёнными имущественными правами. Незамужние дочери обладали правом наследования имущества в родительском доме.

Если сыновей не было, то вдова наследовала и могла распоряжаться имуществом умершего супруга в том случае, если она не выходила замуж повторно.

Кроме того, у разведённой женщины династий Тан и Сун был законный выбор: остаться вдовой до конца своих дней, хранить верность усопшему мужу, либо выйти замуж повторно. Существовали некоторые юридические ограничения. Например, женщинам запрещалось вновь выходить замуж во время траура по бывшему мужу или в результате самовольного ухода от мужа. В.В. Малявин отмечает, что в данные эпохи не существовало нравственных ограничений на вступление в повторный брак. В отличие от последующих периодов, женщины эпох Тан и Сун могли свободно пользоваться своим правом повторно выйти замуж. Отсюда следует, что представления танского и сунского обществ о разводе были прогрессивны и на общемировом культурном фоне.

Широта предоставляемых законом прав женщинам в периоды правления династий Тан и Сун является беспрецедентной в истории императорского Китая. В те времена китайские нравы испытали влияние кочевых народов, где женщина традиционно пользовалась гораздо большими правами, чем в Китае [3, с. 545].

На изображениях танской эпохи можно видеть женщин, которым «не чужды скачки, охота, пикники и прочие веселые забавы» [3, с. 545].

Изменения в законодательстве в последующие эпохи, навязывание властью патриархальных конфуцианских идеалов негативно сказались на положении женщин. Женщины без семьи стояли вне общества. К их числу относились монахини, колдуньи, гадалки, всякого рода посредницы и «публичные женщины» [3, с. 547].

Конкретные правовые установления существенно урезали имущественные права женщин, активно пропагандировавшийся неоконфуцианством образ целомудренной вдовы наложил моральные ограничения на повторные браки женщин при династиях Мин и Цин. Из книги Л.С. Васильева можно узнать, что

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

если молодая вдова не выходила вторично замуж, а особенно, если она добровольно совершала самоубийство, то такое следование обычаям отмечалось официальным поощрением. «Близ дома, где жила такая женщина, после нескольких десятков лет стойкого и добродетельного вдовства воздвигалась специальная арка или стела с надписью, прославлявшей достоинства и верность женщины» [1, с. 140].

Замужняя женщина защищалась законом: она могла обратиться с жалобой в официальные инстанции на жестокое обращение мужа или неисполнение им супружеских обязанностей, от которых он освобождался по достижении 60 лет. Однако на практике подобные обращения были маловероятны из-за простоты бракоразводного процесса: супруг мог в любой момент отослать жену к её родителям даже по малозначительным причинам, что считалось равнозначным расторжению брака [2, с. 308].

Женщина в мифологии. Ключевое место в верованиях китайцев (ханьцев) отводится женщине. Отвечающие за те или иные сферы человеческого бытия мифические женщины были как добрыми, так и злыми. Они представлялись очень красивыми или, наоборот, уродливыми. Одни из них в силу своей собственной судьбы были обижены на людей, другие, наоборот, всегда приходили на помощь. М. Кравцова поясняет, что под «тремя великими первопредками» в китайской мифологии понимаются исходно три различных божества. Одно из них – это женское божество Нюйва. Имя легендарной прародительницы Нюйва состоит из двух иероглифов: нюй – женщина, ва (гуа) – ящерица, змея [2, с. 158].

Возникновение жизни на земле в китайской мифологии связывается с деятельностью богини Нюйвы. Прародительница Нюйва (女娲) выступает, по одним преданиям, сестрой, по другим – женой властителя Фуси. Нюйва, обладая телом змеи и человеческой головой, была способна каждодневно совершать многочисленные превращения. Николай Трофимович Федоренко, советский филолог-востоковед, пишет, что именно Нюйва создала род человеческий, вылепив его из глины. Смысл этого мифа

сводится к следующему. «Нюйва вылепила из глины фигурку,

Богиня Нюйва

которая ожила и задвигалась. Ей так понравился созданный ей человек, что она слепила еще несколько фигурок, которые тоже ожили и разбежались в разные стороны. Затем в целях сохранения человеческого рода Нюйва наделила каждого мужчину женщиной, установила порядок бракосочетания, а чтобы людям не было скучно, изготовила для них свирель, которая ознаменовала появление музыкального

искусства» [6, с. 383–384]. К функциям Нюйвы относят не только создание самого человека, но и починку небосвода после повреждений, нанесённых ему в ходе космической битвы между богами Огня и Воды. Она же – герой, спасший людей от чудовищ и научивший их делать запруды, а также покровительница брака, обучавшая людей искусству любви и семейным отношениям [2, с. 159].

Богиня Сиванму

Сиванму (西王母) – Владычица Запада, в архаических мифах была богиней «страны мёртвых», которая располагалась как раз на Западе. Борис Львович Рифтин, крупнейший отечественный синолог, доктор филологических наук, академик РАН, исследуя китайскую мифологию, выяснил, что, согласно наиболее древнему описанию, Сиванму похожа на человека, но имеет хвост барса и клыки тигра (в более поздних текстах она изображается красавицей). Она ведает небесными карами и пятью наказаниями. Сиванму считалась

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

также божеством, насылавшим эпидемии, болезни и стихийные бедствия. Кроме того, ей была подвластна жизнь всех людей, кроме мудрецов, святых и даосов [4]. В высказываниях древнего мистика Хуайнань-цзы (II в. до н.э.) – Си-ван-му, напротив, олицетворение доброго духа «шэнь», владеющего секретом бессмертия [6, с. 382]. В приписываемых древнему историографу и ученому Бань Гу (I в. н.э.) «Легендах о Хань У» Си-ван-му перевоплощается в царственную особу, прелестную женщину [6, с. 382].

Отсюда следует, что, по древним представлениям, женское божество Сиванму играла весомую роль в китайской мифологии.

Гуаньинь (观音), Внемлющая звукам, – одна из буддийских бодхисаттв. Она являет собой олицетворение милосердия и сострадания. Образ Гуаньинь проник в страны, соседствующие с Китаем, в частности, в Корею в качестве богини милосердия Кваным и в Японию как богиня Каннон.

Богиня Гуаньинь

М.Е. Кравцова повествует о женском божестве по имени Си-хэ, которая порождает десять солнц. Каждый день одно из десяти солнц, живущих на ветвях Солнечной шелковицы, совершает путешествие по небу в колеснице, влекомой шестью драконами и управляемой Си-хэ [2, с. 173].

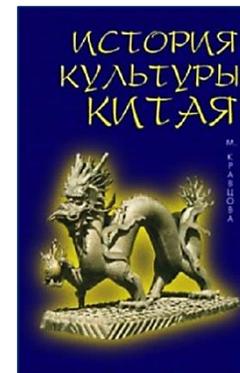
Лунарные мифологические сюжеты концентрируются вокруг образа тоже женского божественного персонажа – богини, именуемой Чан-э. Чан-э выступает роженицей 12 дочерей-лун. Она являлась супругой мифического Стрелка, который убил солнце и в наказание был лишён богами статуса небожителя и бессмертия. Вместе с ним на землю спустилась и Чан-э. Страшась наступления старости и смерти, Чан-э уговорила Стрелка совершить путешествие на запад к богине Сиванму и раздобыть эликсир бессмертия. Стрелок выполнил просьбу жены. Чан-э сама выпила

весь эликсир и обрела бессмертие, но в наказание за вероломство была обречена на вечное одиночество на луне [2, с. 175].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что, несмотря на патриархальный строй китайского общества, сами китайцы всё же признают, что женщины играли важную роль в жизни людей и даже в вопросах мироздания.

Женщина в философии. В Древнем Китае отношения мужчины и женщины рассматривались в культе плодородия как отношения между Землей и Небом. В соответствии с древними воззрениями китайской натурфилософии, первоначально во вселенной царил хаос – «хуньдунь». Впоследствии возникли полярные силы: светлые частицы «ян» поднялись кверху и возникли небосвод, солнце, лето, день, а тяжелые частицы, обозначенные иероглифом «инь», опустились вниз, и тогда образовалась твердая масса земли, которая стала в дальнейшем колыбелью человечества [6, с. 382]. Отсюда возникает «инь – ян» – теория, осмысляющая сексуальные отношения, в рамках которой брачные узы в Китае рассматривались в качестве воспроизведения взаимодействия «мужского» и «женского» космических начал. Подобное осмысление придавало брачным отношениям статус естественности и обязательности, включая их в общий природный цикл [2, с. 295].

М.Е. Кравцова, одна из ведущих российских синологов, в своей книге «История культуры Китая», проанализировав материалы письменных источников, приходит к выводу, что данные воззрения наиболее отчетливо отражаются в принципах и организации полигамной семьи [2, с. 294–295]. Женщина в данной концепции, представала как обладательница энергии Инь. Считалось, что Инь не должна преобладать над Ян (обладателями энергии которого выступали мужчины), поэтому мужчине допускалось иметь несколько жён. Именно поэтому, дабы не допустить хаоса в стране, император, Сын Неба, должен был

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

располагать собственным гаремом, каждой обитательнице которого полагалось иметь соответствующий уровень Инь. Гарем императора строился на двух составляющих: императрица (законная супруга, наделявшаяся наивысшей степенью иньской энергии) и наложницы различных рангов и статусов.

Философские идеи сильнейшим образом влияли на жизнь китайского общества. Не последнее место в философских принципах отведено женщине как важной составляющей концепции мироздания. «Женщина в даосизме признавалась высшим по отношению к мужчине, существом, т. к. она, во-первых, способна породить новую жизнь и, во-вторых, находится, по мысли даосов, за счёт своего изначального естества ближе, чем мужчина, к природе, следовательно, более полно воплощает принципы дао – вселенной и «естественности» [2, с. 302].

Статуя поэтессы Ли Цинчжао в её мемориале в Цзинане

Женщина в литературе. Как отмечают исследователи традиционной китайской литературы, переводчики классической китайской поэзии, в стихотворениях китайских поэтесс отражаются не только страдания и сетования на горькую несправедливую судьбу. Лирическая героиня поэтесс традиционного Китая наделена способностью тонко чувствовать и понимать красоту природы, беззаветно любить и возвышенно страдать в разлуке с

любимым, стойко переносить любые испытания и вместе со всем народом болеть за судьбу своей страны.

Одной из самых знаменитых женщин-поэтесс Китая считается Ли Цинчжао. Она родилась в 1084 году во времена правления династии Сун в семье крупного сановника и видного ученого, получила прекрасное домашнее образование, была

замужней женщиной [3, с. 546]. Известный китаевед, дипломат и переводчик классической китайской поэзии М.И. Басманов писал, что ранние стихотворения поэтессы «отличались эмоциональностью, девичьей непосредственностью и меткостью наблюдений, свойственных тонкой и впечатлительной натуре» [5, с. 9-10].

Вскоре начался закат эпохи Сун, падение некогда могущественной империи не могло не отразиться в строках литераторов. Лирика Ли Цинчжао наполнилась нотками отчаяния и скорби о своей Родине. Она воспевала былую красоту и процветание Отчизны и своими строками пробуждала патриотические чувства других людей.

Приведём в пример одно из её стихотворений:

*Стих ветер наконец-то. И вокруг
В пыли цветы душистые лежат.
Мне не поднять к причёске слабых рук,
Гляжу с тоской на гаснущий закат.*

*Мир неизменен. Но тебя в нём нет.
В чём жизни смысл – мне это не понять.
Мешают говорить и видеть свет
Потоки слёз, а их нельзя унять.*

*Как хорошо на Шуанси весной –
О том уже я слышала не раз.
Так, может быть, с попутной волной
По Шуанси отправиться сейчас?..*

*Но лодке утлой не под силу груз
Меня не покидающей тоски.
От берега отчалию – и, боюсь,
Тотчас же окажусь на дне реки [5, с.43].*

К числу знаменитых поэтесс Поднебесной относится также и Хуажуй, жившая в эпоху Пяти династий и десяти царств. До конца своих дней хранившая верность погибшему мужу, она создала стихотворения, отражающие её безмерную скорбь и тоску по навеки ушедшему супругу и навсегда потерянной родине. После падения её родного княжества Шу женщину отправили во дворец нового правителя, императора Сунской династии Гаоцзу. Приведем одно из её стихотворений в переводе М. Басманова:

*«Вот миновали Шудао,
Отчего края пределы.
Сердце моё разрывается,
Скорби моей нет предела.*

*Года длинней день весенний,
И не торопятся кони.
Перелетая дорогу,
Плачет дуцзюань и стонет» [5, с. 26].*

В своём одиночестве поэтессы невольно обращаются к природе, в ней находят радость и утешение, ей поверяют сокровенные чувства и мечты. Именно в женских стихах китайская поэзия достигает вершин любовной лирики. Они отстаивают право женщины на радости земного бытия, на взаимность любви и свободный выбор возлюбленного.

Внешний вид женщины. Главным видом наплечной одежды китайцев был длиннополый халат, который назывался *пао, си*. Такой вид одежды носили и женщины, и мужчины. В конфуцианском каноне «Записки о ритуале» зафиксирована должная форма халата: ширина его талии должна была быть в три раза больше, чем ширина обшлагов, а ширина халата внизу должна была соответствовать ширине талии. Один из таких халатов, который принадлежал женщине, был обнаружен в Мавандуйском захоронении (II в. до н.э.) [3, с. 531].

Данный халат представлял собой распашной двубортный халат, который запахивался на правую сторону. Края ворота халата перекрещивались на груди. Верхняя часть такого халата кроилась из четырёх кусков ткани. Обычно рукава халата книзу расширялись. Рукава в свою очередь, обычно были длиннее самих рук.

Также основным видом нательной одежды считалась полотняная и шёлковая рубаха, которая называлась *даньи*. С позднего средневековья в дополнение к рубашке, обязательной принадлежностью женского гардероба стал расшитый узорами и благожелательными символами передник, застёгивающийся на шею и в талии [3, с. 532].

Помимо рубахи, и женщины, и мужчины в Китае с древности надевали под халат широкие штаны. «Женщины Северного Китая с помощью чёрной ленты прибинтовывали низ штанов к ноге, южанки обычно носили штаны широкого покроя» [3, с. 533]. Такое различие объясняется тем, что на Юге женщины чаще всего

работали в поле, закатав штаны до колен, что не требовалось на Севере страны. В древнем Китае по одежде можно было определить социальный статус женщины. Простые и бедные китайки носили одежду из хлопка, а также из других растительных тканей. Императорская семья и знатные женщины носили шелка.

Платья древнего Китая были богатыми на вышивку. Их украшали декоративными кругами – *туань*, на которых содержались символы: цветы, бабочки, птицы, а также сюжеты из литературных произведений. Символические туани на ритуальной и повседневной одежде выражали извечную тему: нескончаемый

полёт жизни, вечный круговорот времени. Сама форма узора – замкнутый круг – подчёркивает эту идею [7, с. 78].

Для более полного собирательного женского образа в традиционном китайском обществе можно обратиться к роману-энциклопедии китайской культуры писателя Цао Сюэциня (1724–1764 гг.) «Сон в красном тереме». В нём женские персонажи, их характеры и особенности поведения представлены оригинальным аллегорическим приёмом – шпилькой для их причёсок. Один из первоначальных вариантов названия романа – «Цзиньлин шиэр чай» («Двенадцать цзиньлинских шпилек») – как бы коллективное метонимическое прозвище двенадцати героинь романа [7, с. 82]. 12 шпилек символизируют 12 красавиц. Женщины из высшего общества в Китае должны были следить за своим туалетом, тратя на это много времени, причём особое внимание уделялось причёске и головным украшениям. Собранные в сложные причёски волосы удерживались шпильками самых разнообразных форм и отделок, поэтому шпилька и считалась символом самой женщины, которая подбирала эти предметы сообразно своему вкусу, характеру, традиционному событию. Даже имя одной из главных героинь Бао чай – это «Драгоценная шпилька для волос» [7, с. 82]. 12 шпилек романа олицетворяют двенадцать девушек из двух старинных родов, имена которых – Линь Дайюй, Сюэ Баочай, Цзя Юаньчунь, Цзя Таньчунь, Ши Сяньюнь, Мяоюй, Цзя Иньчунь, Цзя Сичунь, Ван Сифэн, Ли Вань, Цзя Цзяоцзе и Цинь Кэцин [8]. Сам роман выступает своеобразной энциклопедией жизни китайского общества того времени, где Цао Сюэцин описывает не только женское поведение, но и уделяет внимание подробному описанию женского костюма. В книге художника и исследователя в области истории китайского костюма Л.П. Сычева (1911–1990 гг.) «Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве» целый раздел посвящён анализу женской одежды, косметике, украшениям, описанным в этом романе. Источник с дарственной надписью автора находится в книжной владельческой коллекции ученого-этнографа, искусствоведа Н.В. Кочешкова в читальном зале редких изданий НБ ДВФУ.

Большое значение китайцы придавали обуви. Фасон женской и мужской обуви был практически идентичен и зачастую мужчины и женщины, одеваясь, путали свою пару обуви с чужой [3, с. 533]. Впрочем, обитательницы царских гаремов могли носить особенно изящные туфли с глубоким вырезом. Парадной женской обувью вплоть до XX века часто служили туфли на очень высокой платформе. С эпохи Хань в обиход вошли чулки, которые подвязывали у колена, также женщины носили сапоги с высокими голенищами, которые переняли у кочевых народов [3, с. 533].

Важное место в традициях занимает бинтование ног у женщин. Своё распространение в Китае бинтование получило в период позднего средневековья. Бинтование считалось своего рода женской прелестью, т. к. впоследствии ступня девушки выглядела маленькой и миниатюрной (три цуня, т. е. около 10 см). Такая миниатюрная ступня называлась «цветочек лотоса». Прекрасным украшением к ней были изящные туфельки на высоком каблуке и чулки – чаще всего такого же цвета, как и туфли, или белые [3, с. 545].

Идеал женской красоты в Китае претерпевал изменения в различные эпохи. Например, в период Тан идеалом женской красоты считалась «женщина в теле». В последующих эпохах красавица должна была обладать хрупким телосложением, тонкими длинными пальцами, мягкой и белоснежной кожей. Личико красивой девушки должно было быть с высоким лбом, маленькими ушками, тонкими бровями и маленьким округлым ротиком. Женщины из обеспеченных семей сбривали часть волос на лбу, чтобы удлинить овал лица, и подкрашивали губы помадой кружком, тем самым добиваясь идеального топа лица [3, с. 545].

Головные уборы, а также причёски играли важную роль в образе женщины. Свои волосы с помощью шпилек и заколок они укладывали в сложную волнистую причёску; широко использовались парики. Многие китайки уподобляли женские причёски цветам, а иногда даже «дракону, резвящемуся в облаках». «Верхом парикмахерского искусства считалось умение соединить в причёске элементы «облака» и «дракона» таким

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

образом, чтобы присутствие «дракона», скрытого «облаками», только угадывалось». [3, с. 545]. Китайские красавицы носили в волосах цветы, украшали себя серьгами, декоративными шпильками и гребёнками, кольцами и браслетами, а на шею носили золотой обруч с замочком, как талисман долгой жизни [3, с. 545].

Уже в древности китайки выщипывали и подводили брови для придания им модного контура. Всего насчитывается более тридцати разновидностей контуров, например, «брови в виде

Четыре легендарных красавицы Китая

крыльев бабочки», «два горных пика» [2, с. 312].

По эстетическому канону необходимо было обязательное использование косметики. В макияже лица считалось изысканным, если щеки женщины покрывала пудра и румяна, а губы были выкрашены помадой цвета «спелой вишни». Женщины пользовались цветочной водой и ароматным мылом, в течение долгого времени сидя около курильницы, пропитывали свою одежду запахом дорогих благовоний [3, с. 545].

Признаком женщины из благополучной семьи считались длинные и красивые ногти. Женщины их специально не стригли и

отращивали, тем самым показывая, что они из благополучной семьи. Иногда женщины носили на ногтях своеобразные серебряные «щитки», чтобы предотвратить поломку ногтя. Длинными ногтями гордились, т. к. они показывали, что человек не занимается каким-либо физическим трудом.

Для достижения эфемерности образа отрицались какие-либо выпуклости женской фигуры, что привело к обычаю бинтовать девочкам грудь [2, с. 310].

История Китая богата не только событиями, прославленными делами выдающихся императоров и воинов. Немалую роль в развитии и становлении китайского общества сыграли женщины. Их положение менялось на протяжении всей истории Поднебесной. Императрицы и рабыни, жёны и наложницы, матери, сестры и дочери – все они, так или иначе, оказывали влияние на китайскую культуру и цивилизацию.

Книги из фонда редких изданий Научной библиотеки и владельческих книжных коллекций, представленные в данной работе, могут быть интересны исследователям, занимающимся изучением культуры, социальной истории Китая, а также интересующимся гендерными вопросами китайского общества.

Список литературы

1. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – Москва : Наука, 1970. – 483 с.
2. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – Санкт-Петербург ; Москва : Краснодар : Лань, 2003. – 415 с.
3. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – Москва : Астрель, 2000. – 631 с.
4. Рифтин, Б. Л. Сиванму // Синология.Ру: история и культура Китая [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%A1%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%BC%D1%83> (дата обращения: 26.06.19).

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

5. Строки любви и печали : стихи китайских поэтесс в переводе М. Басманова. – Москва : Наука, 1986. – 143 с.
6. Федоренко, Н. Т. Тематическое своеобразие китайской мифологии // Историко-филологические исследования : сборник статей к семидесятипятилетию Н. И. Конрада. – Москва , 1967. – С. 381–390.
7. Сычев, Л.П. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве /Л.П. Сычев, В.Л. Сычев. – Москва : Наука; Главная редакция Восточной литературы, 1975. – 131 с.
8. Цао Сюэ-Цинь. Сон в красном тереме. Т. 1 / Цао Сюэ-Цинь; пер. с кит. В. Панасюка. – Москва : Художественная литература ; Ладомир, 1995. – 622 с.

Из сериала «Императрица Китая»